

Жорес Александрович Медведев
Рой Александрович Медведев

Неизвестный Сталин

*Серия "Собрание сочинений Жореса и Роя
Медведевых"*

С распадом СССР были рассекречены многие архивы, у историков появилась возможность ознакомиться с новыми свидетельствами, документами, фактами, что спровоцировало небывалый поток литературы, в том числе и на тему «Сталин и сталинизм». Что же отличает «Неизвестного Сталина» Жореса и Роя Медведевых от остальных попыток исследователей раскрыть секреты великого вождя и его эпохи? Объективность. Авторы опираются исключительно на материалы архивов. К ранее изданному «Неизвестному Сталину», который уже переведен на двенадцать языков, добавлены новые разделы.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Третье издание нашей книги «Неизвестный Сталин» вышло в свет в 2007 году и было быстро реализовано. Оно было существенно расширено в сравнении с первыми изданиями книги 2001 и 2002 годов. Новые книги были опубликованы также в Сербии, в Японии и в Китае.

За период с 2007 по 2010 гг. в распоряжение историков не было представлено почти никаких новых документов и свидетельств о жизни и деятельности И. В. Сталина. Не слишком расширился и круг наших знаний о жизни Советского Союза в 1920-1950-х годах. Однако именно в последние три года интерес, если не исследователей, то широкой общественности к фигуре Сталина неожиданно вырос. И на телевидении, и во всех печатных и электронных СМИ прошло несколько дискуссий о Сталине. Были изготовлены и показаны несколько не столько художественных, сколько коммерческих сериалов о Сталине. Но и среди художественных фильмов последнего времени наибольший успех выпал на долю фильмов о Великой Отечественной войне, а также о советской действительности до и после войны. Временам Сталина было посвящено и несколько театральных постановок. При обсуждении новой серии учебников по истории России для средней школы наибольшую полемику вызвали разделы о Сталине и его роли в российской и советской истории. Многих наблюдателей удивляет противоречивость и резкость откликов общества как на осуждение, так и на восхваление Сталина. Несомненный успех сопутствовал телевизионным фильмам, которые были поставлены по книгам Александра Солженицына и Варлама Шаламова. И тем не менее во многих российских городах было весьма широко отмечено 130-летие со дня рождения Сталина. Иностраннных корреспондентов в Москве удивил тот размах, с которым юбилей Сталина был отмечен 21 декабря 2009 года. Сотни людей принесли цветы на могилу Сталина близ Кремля. В большом зале гостиницы «Измайловская» собралось более двух тысяч человек; здесь звучали стихи и здравицы в честь Сталина, а знаменитые актрисы пели под звуки военного оркестра. Согласно опросу ВЦИОМа, проведенному в эти же дни, 54 % граждан России высоко оценили организационные способности Сталина и его роль в Великой Отечественной войне. Этот результат был выше, чем

при опросах 5 или 10 лет назад. На вопрос, прозвучавший в одной из телепередач и обращенный к публике, — «Сталин с нами?» более 30 % зрителей ответили положительно: «Да, с нами». В большом телевизионном шоу «Имя России», проведенном более года назад, имя Сталина оказалось на третьем месте — из 500 имен.

Некоторые из деятелей российской оппозиции объясняют этот необычный феномен популярности Сталина политикой нынешнего российского руководства. «Государство намекает, — заявил один из лидеров этой оппозиции, — что сталинская тактика входит в его нынешний арсенал для контроля над страной». Но это не так. Еще 30 октября 2007 года в День памяти жертв политических репрессий, установленный не государством, а общественной организацией «Мемориал», президент В. В. Путин впервые и вместе с Патриархом Алексием II прибыл на бывший Бутовский полигон НКВД недалеко от МКАД. Здесь в 1937–1938 гг. проводились массовые расстрелы людей, незаконно осужденных за их якобы «антисоветскую деятельность» или за одни лишь критические высказывания. Среди жертв этого террора в Бутово захоронены и тела более чем тысячи священников, а общее число убитых и захороненных на полигоне превышает 20 тысяч человек. Алексей II совершил здесь поминальную службу, а Владимир Путин сказал: «Все мы хорошо знаем, что хоть 1937 год и считается пиком репрессий, этот год был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости, — достаточно вспомнить расстрелы заложников в годы Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьян, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. Это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые идеалы ставились выше основной ценности, ценности человеческой жизни, прав и свобод человека. Для нашей страны это особая трагедия, потому что масштаб колоссальный. Уничтожены были и сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причем это были люди со своим собственным мнением, люди, которые не боялись его высказывать. Это цвет нации. И мы, конечно, долгие годы, до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Многое нужно сделать, чтобы эта трагедия никогда не забывалась, чтобы о ней помнили»^[1]. Ровно через два года — 30 октября 2009 года — президент России Дмитрий Медведев разместил в своем видеоблоге материал — «Память о национальных трагедиях

так же священна, как и память о победах». В своих комментариях, которые передавались как в интернете, так и по главным каналам российского телевидения, Дмитрий Медведев не только осудил ужасы сталинских чисток, но также призвал к созданию музейно-мемориальных центров, посвященных зверствам того времени, и к продолжению работ по поиску мест массовых захоронений. Он посетовал, что многие молодые люди почти ничего не знают о сталинских репрессиях и не могут назвать даже двух-трех фамилий известных людей, пострадавших или погибших в тот период. «До сих пор можно слышать, — заявил Медведев, — что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Но ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий».

Российское общество слабо отреагировало на эти слова и на эти сигналы. Для значительной части российского общества Сталин остается позитивной, а не негативной фигурой нашей российской истории. В чем дело? Этому много причин, но главная, на наш взгляд, лежит в тех очень больших и глубоких изменениях, которые произошли в последние 20 лет как на советском, так и на постсоветском пространстве. Поражение Советского Союза в «холодной войне» привело не только к распаду СССР. Оно сопровождалось не только болезненными унижениями для российского общественного и национального сознания, но и крайне тяжелыми материальными и человеческими потерями. Только экономика Российской Федерации потеряла в 1991–1999 гг. около 40 % своей производственной мощи и своих активов. Примерно вдвое снизился и жизненный уровень населения страны и особенно его старших поколений. Потери в Украине или в республиках Средней Азии были еще большими. Средняя продолжительность жизни российских граждан снизилась за период с 1986 по 2001 гг. на пять лет — для мужчин до 58,5 лет. Это означает, что более чем 10 миллионов российских мужчин и женщин ушли из жизни раньше тех сроков, которые им обеспечивал уровень жизни в последние 10 лет существования СССР. В основном это были люди военных поколений, в том числе и ветераны и участники войны. Во многих отношениях потери «лихих» 1990-х годов были более тяжелыми, чем потери в годы Великой Отечественной войны, которая кончилась не поражением, а победой. Нет поэтому ничего удивительного в том, что общественное сознание нашего народа в

мучительных поисках новой национальной и государственной самоидентификации обращается не к празднику российского суверенитета 12 июня, а к празднику Победы 9 мая; и не к фигурам Б. Ельцина, М. Горбачева или Н. Хрущева, а к фигуре Сталина, а также к фигурам Брежнева и Андропова. Именно победа советского народа в Великой Отечественной войне и участие СССР в послевоенном устройстве мира отпечатались в национальном сознании русских людей как главные события в истории России в XX веке, а во многих отношениях и во всей российской истории. Но эти события в этом же национальном сознании невозможно отделить от имени и деятельности Сталина.

Конечно, никакими соображениями нельзя оправдать незаконные репрессии и массовый террор, который также связан с именем и деятельностью Сталина. Историк обязан оценивать прошедшие эпохи во всей их противоречивой сложности, ибо именно из такого трудного прошлого вырастает как наше трудное настоящее, так и наше, может быть, лучшее будущее.

Это лишь часть соображений, которые побудили нас предложить читателю новое издание нашей книги.

Жорес и Рой Медведевы.

15 января 2010 г.

ЧАСТЬ I

СТАЛИН ПОСЛЕ СТАЛИНА

ЗАГАДКИ СМЕРТИ СТАЛИНА

БОЛЕЗНЬ ИЛИ ЗАГОВОР?

Предположения о том, что Сталин умер преждевременно, в результате заговора и отравления каким-то медленно действующим ядом, очень распространены. Наиболее подробную теорию убийства Сталина Берией разработал А. Авторханов еще в 1976 году.^[2] С тех пор появилось множество вариантов этой теории. Последний из них можно найти в недавней биографии Сталина, написанной Эдвардом Радзинским с использованием ранее засекреченных архивных документов.^[3] Однако никаких фактов в пользу этих теорий никогда не было найдено. Смерть Сталина не была неожиданной. Его здоровье ухудшалось очень заметно именно в 1951–1952 годах. Никакой медицинской помощи он не получал и даже не подвергался медицинским обследованиям. Его хронические заболевания, прежде всего гипертония, атеросклероз и ревматические боли в мускулах, прогрессировали. С конца 1952 года возникли неизвестные проблемы в легких, в связи с чем Сталин неожиданно прекратил курение. Все это указывало на приближение конца. Однако именно это приближение конца, очевидное и для самого Сталина, делало его все более и более опасным для окружающих соратников и для всей страны.

В этот период февраля-марта 1953 года Сталин торопился завершить судами и приговорами две наиболее необычные даже для СССР репрессивные кампании, в ходе которых уже были арестованы сотни людей. В прошлом сталинский террор был в основном политическим. Репрессивные акции национального характера, такие, как выселение мусульманских народов с Северного Кавказа и из Крыма, проводились тайно, без широких политических кампаний. В 1952 году националистические репрессивные кампании были открытыми. Одна из них носила антисемитский характер и формировалась вокруг «сионистско-американского заговора», привязанного к «делу врачей». Вторая была антигрузинской, вернее антимингрельской, связанной с «раскрытием» в Грузии якобы заговора с целью ее отделения от СССР.

Уже было очевидно, что завершение этих репрессивных кампаний будет неизбежно связано с изменениями руководства в СССР. Молотов, Микоян и Ворошилов лишились политического влияния в конце 1952 года и не входили в ближайшее окружение Сталина. Следующей группой соратников, над которыми нависла угроза, были Маленков, Берия и Каганович. Их судьба могла решиться в течение нескольких недель. Болезнь и смерть Сталина были для всех этих лидеров спасением. Именно на этом очевидном факте основываются и теории убийства Сталина в результате заговора в среде его ближайших соратников, советского варианта «дворцового переворота». Косвенным свидетельством в пользу заговора служит официальная фальсификация в правительственном сообщении даты случившегося у Сталина кровоизлияния в мозг, а также места, где это произошло (дача в Кунцеве, а не кремлевская квартира, как сообщили населению страны). В пользу теории заговора говорит и неоправданно длительная, многочасовая задержка вызова врачей к больному Сталину.

Я возвращаюсь здесь к проблеме болезни и смерти Сталина для того, чтобы отметить высокую вероятность предположений о наличии заговора, а следовательно, показать необоснованность теории убийства. Но это был не длительно подготавливаемый заговор, а заговор, стихийно возникший уже в связи с фатальной болезнью Сталина. Этот заговор был направлен не против самого Сталина, потерявшего власть вместе со своим сознанием после парализовавшего его обширного инсульта. Его ближайшие соратники объединились для того, чтобы вернуть себе ту власть, которой они лишились в октябре 1952 года в результате решений XIX съезда КПСС, создания расширенного Президиума ЦК КПСС и ликвидации прежнего Политбюро. В короткий период времени между инсультом у Сталина 1 марта 1953 года и вызовом к нему врачей утром 2 марта было произведено новое распределение власти в стране двумя конкурирующими между собой группами: Маленкова-Берии и Хрущева-Булганина. Борьба между ними предотвратила появление в стране после смерти Сталина одного лидера-вождя и положила начало сложной внутрипартийной борьбе 1953–1957 годов. Именно этот период нестабильности привел к тем кризисам в КПСС (арест Берии и его группы, доклад Хрущева о культе личности, ликвидация «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Ворошилова, Кагановича и Булганина, а затем и смещение

маршала Г. К. Жукова), которые в конечном итоге подорвали авторитет КПСС и привели к ее исторической деградации.

ЗДОРОВЬЕ СТАЛИНА. 1923–1940 ГОДЫ

Весной 1923 года молодой Анастас Микоян, который в 27 лет был уже секретарем Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б), приехав в Москву, навестил Сталина в его кремлевской квартире. Рука Сталина, как свидетельствует Микоян в своих воспоминаниях, была забинтована. «Рука болит, — объяснил Сталин, — особенно весной. Ревматизм, видимо. Потом проходит». На вопрос, почему он не лечится, ответил: «А что врачи сделают?»^[4] Микоян уговорил Сталина поехать лечиться в Сочи, на мацестинские горячие сероводородные ванны, которые уже в течение многих десятилетий считались хорошим лечебным средством именно при болезнях суставов. Осенью того же года Сталин, послушавшись Микояна, поехал в Сочи.

У Сталина действительно периодически болели мышцы рук и ног. Он полагал, что это ревматизм, который он получил в результате четырехлетней ссылки в Восточную Сибирь. Так оно, по-видимому, и было. Мацестинский курорт помог Сталину, и боли в мышцах почти исчезли. Но это было временное облегчение. Радикального выздоровления при ревматоидных и артритных заболеваниях не бывает и в наши дни. Сталин стал приезжать в Мацесту каждый год. Первые годы он во время приездов в Сочи жил в отдельном доме, выбранном для него Микояном. Но в 1926 году для Сталина оборудовали помещение в санатории в Старой Мацесте. Главным врачом этого санатория был врач-курортолог Иван Владимирович Валединский. Краткие записи Валединского о встречах со Сталиным, опубликованные недавно, дают наиболее ясную картину здоровья Сталина до 1940 года.^[5]

Осмотр Сталина, произведенный тремя врачами, не обнаружил никаких отклонений от нормы. Сталин тем не менее прошел полный курс мацестинских теплых сероводородных ванн от естественных горячих источников. Это ему помогло. Однако в 1927 году Сталин снова приехал в Мацесту, уже в конце ноября и с теми же жалобами. Он провел на курорте почти весь декабрь. Перед началом курса сероводородных ванн было проведено тщательное обследование здоровья пациента, включавшее рентгеновские снимки легких и кардиограмму сердца. Было измерено и кровяное давление. Все оказалось в норме. Сталину тогда было 48 лет. Лечебные ванны опять помогли ему. В 1928 году Сталин не брал отпуск и оставался весь год в Москве. В 1929

году Сталин уехал отдыхать на юг и начале августа, сначала в Нальчик, а затем в Сочи. Чувствовал он себя плохо — только в письме от 29 августа Молотову сообщил: «Начинаю поправляться». Еще через месяц Сталин писал в Москву: «Думаю остаться в Сочи еще неделю». В 1930 и 1931 годах Сталин также удлинял свой отпуск на юге до двух месяцев, уезжая в начале августа и возвращаясь в Москву в начале октября. К нему в санаторий приезжали с длительными визитами некоторые друзья, особенно часто Ворошилов, Киров и Горький. В Москве в это время председательствовал на заседаниях Политбюро Молотов, Сталин регулярно отправлял ему с фельдъегерской службой записки — инструкции по очень многим проблемам. Записка от 13 августа 1930 года кончалась припиской: «P.S. Помаленьку поправляюсь». Через месяц, 13 сентября, Сталин уже сообщал Молотову: «Я теперь вполне здоров». В 1931 году Сталин побывал и в Цхалтубо. Он писал Молотову в записке от 21 августа: «Вода здесь оказалась замечательная. Ей-ей. Расскажу подробно, когда увидимся».^[6]

К этому времени Сталин уже сделал Валединского своим личным врачом не только во время пребывания на юге, но и в Москве, где по распоряжению Сталина Валединскому была подарена пятикомнатная квартира. Валединский также был назначен медицинским руководителем по развитию курортов Цхалтубо.

Благодаря особому вниманию Сталина все Черноморское побережье Кавказа интенсивно развивалось именно как курортное. Здесь были открыты десятки новых минеральных лечебных источников и построены многочисленные санатории и дома отдыха. Появились заводы по производству минеральной воды в бутылках для продажи по всей стране.

В 1936 году, в декабре, Валединский был вызван к Сталину на дачу в Кунцево по поводу заболевания ангиной, сопровождающейся высокой температурой. В осмотре больного участвовали также профессор В. Н. Виноградов, кардиолог, и профессор Б. С. Преображенский, специалист по заболеваниям горла. Сталин встретил Валединского как старого друга и расспросил его о работе недавно созданного Всесоюзного института экспериментальной медицины. При этом Сталин заметил, что ученые ВИЭМ «много занимаются теорией, мало дают в практику и не занимаются проблемой продления жизни».^[7] Вскоре после этого замечания, переданного руководству ВИЭМ, проблема продления жизни стала приоритетной в исследованиях советской медицины. В

1937 году профессор Александр Богомолец, директор Института физиологии в Киеве, основал постоянную экспедицию при Академии наук Украинской ССР для исследования уникального феномена долгожительства в Абхазии и в Грузии. Сталин верил в легенды о том, что кавказцы живут особенно долго благодаря горному климату, талой ледниковой воде и особенностям своей диеты, богатой мясом, молочными продуктами, овощами и фруктами, но бедной хлебными изделиями. «Живую» воду ледниковых ручьев регулярно привозили Сталину в Москву. Сталин считал, что испарения древесины улучшают качество воздуха. Поэтому все комнаты, где жил и работал Сталин, в Кремле и на дачах, были обшиты деревом и не покрывались краской. На даче в Кунцеве под Москвой и на других его дачах у Сталина была личная русская баня с парной и русская печь. Несмотря на центральное отопление, зимой часто разжигались камины. При появлении болей в суставах или в мышцах Сталин забирался полежать на русской печи. Эту привычку он сохранил до конца жизни.

Валединский в последний раз осматривал Сталина 13 февраля 1940 года, опять по поводу инфекции горла. У Сталина была повышенная температура, но он работал. Именно в эти дни шли ожесточенные бои на советско-финском фронте. На рабочем столе у Сталина была разложена карта Финляндии. Он познакомил врачей с ходом военных действий и, стукнув карандашом по столу, сказал: «На днях будет взят Выборг». Выборг был, однако, взят только через месяц.

Профессор И. В. Валединский в 1944 году перешел на работу в подмосковный правительственный санаторий «Барвиха», где он стал главным врачом. Личным врачом Сталина по его же выбору был назначен профессор Владимир Никитович Виноградов, специалист по сосудисто-сердечным заболеваниям. Это было связано с новыми проблемами в состоянии здоровья Сталина. У него появились признаки гипертонии и атеросклероза.

РАБОЧИЙ РЕЖИМ СТАЛИНА

Сталин, как известно, работал в Кремле в основном вечером и часто до глубокой ночи. Приезжая в Кремль, он сначала просматривал и подписывал документы, а затем проводил различные совещания и заседания. Каждый день кабинет Сталина посещали от 5–6 до 20–22 человек. Уже далеко за полночь, иногда после просмотра кинофильма, Сталин уезжал на «ближнюю» дачу в Кунцево, где после обильного ужина ложился спать в 3 или 4 часа утра. Уже в кровати просматривал некоторые книги из своей библиотеки. Вставал Сталин между 10 и 11 часами утра. После легкого завтрака работал с бумагами, решал некоторые проблемы по телефону и беседовал с вызванными на дачу посетителями. Такой режим развивался постепенно. В 20-е годы Сталин появлялся в своем кремлевском кабинете уже с утра, тем более что его квартира находилась рядом. На дачу он с семьей выезжал лишь летом. После дневного обеда Сталин любил, как все южане, немного поспать. Затем он продолжал прием в кремлевском кабинете, заканчивая работу к 7–8 часам вечера. В этот период у Сталина была нормальная семья, двое сыновей и дочь, и это, в основном, определяло и нормальный образ жизни.

После самоубийства жены в 1932 году режим Сталина резко изменился. Он уже не мог жить в кремлевской квартире и на своей старой даче в Зубалове. Для Сталина в 1934 году построили новую дачу в подмосковном районе Кунцево в лесном массиве. Поездка на дачу из Кремля занимала не больше 15 минут. В Кремль Сталин приезжал теперь только один раз, в 17–18 часов, и работал до 22–23 часов, иногда и позже. Ночевать всегда уезжал и Кунцево и на поздний ужин, который он называл обедом, часто приглашал своих друзей и партийных соратников. За обедом решались и государственные проблемы. Во время таких обедов поглощалось много алкоголя, но Сталин, по многим свидетельствам, пил только грузинские вина. Употребление вина было для Сталина своеобразным средством от мучившей его бессонницы. Алкоголь как снотворное иногда рекомендуется и врачами.

Во время войны в 1941–1945 годах этот режим сохранялся, но периоды сна еще больше сократились. Важные решения нередко нужно было принимать в любое время дня и ночи. Никаких выходных дней или отпусков не было. Сталин работал в Кремле и на даче по 14–15 часов каждый день. Дача

стала филиалом Ставки, и сотрудники Генерального штаба часто докладывали обстановку на фронтах именно здесь. На территории дачи был быстро сооружен большой подземный бункер с рабочими кабинетами. По внешнему периметру дачи располагалась дальнобойная морская зенитная артиллерия. Во время налетов немецкой авиации на Москву пушки грохотали всю ночь. Непосредственно на территории дачи было несколько установок зенитных пулеметов на случай возможного выброса немецкого десанта. В течение трех-четырех месяцев конца 1941 и начала 1942 года основной рабочий кабинет Сталина в Москве также был перенесен под землю в районе станции метро «Кировская».

НАЧАЛО СЕРЬЕЗНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Первый микроинсульт произошел у Сталина между 10 и 15 октября 1945 года. Однако никаких медицинских деталей о характере заболевания не сохранилось. Не исключено, что это был не инсульт, а гипертонический криз, то есть резкое повышение кровяного давления, которое может сопровождаться спазмами сосудов головного мозга, временной потерей сознания и частичным временным параличом.

В Кремлевской больнице существовала «история болезни Сталина», в которую записывались данные о здоровье Генсека за многие годы. Любая больница имеет медицинское «досье» на каждого из своих постоянных пациентов, это обычная медицинская практика. Однако после ареста личного врача Сталина В. Н. Виноградова в 1952 г. все медицинские документы о Сталине были уничтожены по его же личному распоряжению. Сталин не хотел, чтобы объективные данные о состоянии его здоровья могли быть кому-либо известны.

Дочь Сталина Светлана в своих воспоминаниях пишет, что осенью 1945 года «отец заболел и болел долго и трудно».^[8] О характере заболевания Светлана ничего не знала, так как ей не разрешали ни посещать отца, ни звонить ему по телефону. Сталину нельзя было звонить больше месяца, и это породило слухи о том, что у него наблюдалась временная потеря речи.

Сталин выздоравливал от своего недуга в одном из санаториев Сочи. Он не звонил в Москву, но отправлял письма в Политбюро. При микроинсультах или гипертонических кризах больной обычно выздоравливает, но без полного восстановления работоспособности. Симптомы болезни проходят, но причины, ее вызвавшие, остаются. Больному поэтому рекомендуют изменить режим и уменьшить объем работы. Надежных медицинских средств для стабильного снижения кровяного давления в 1945 году еще не было. Врачи рекомендовали обычно отдых, а при бессонницах — снотворное. Снотворное Сталин не стал принимать, но объем своей работы уменьшил.

С 1946 года Сталин стал реже появляться в Кремле и не оставался там надолго. Часто посетители приглашались к нему лишь в 20, 21 или даже в 22 часа, и совещания продолжались не более 2–3 часов. Для решения текущих проблем посетителей иногда приглашали днем на дачу или вечером на обед. Был сокращен поток бумаг, которые

требовали визы или подписи Сталина. По свидетельству дочери Светланы, Сталин после болезни в 1945 году большую часть времени проводил в лесном парке, в центре которого и была построена его кунцевская дача. В парке ему поставили несколько беседок со столиками. «Он целыми днями вот так перемещался по парку, ему несли туда бумаги, газеты, чай, в этом проявлялся его рационализм: последние годы ему хотелось здоровья, хотелось дольше жить».^[9]

Осенью 1946 года Сталин, впервые с 1937 года, уехал отдыхать на юг. Отпуск был удлинен до трех месяцев и начался в Крыму. В 1949 году специально для Сталина был выстроен большой санаторный комплекс на берегу горного озера Рица в Абхазии. Сталин теперь мог несколько месяцев в году жить в горах, на высоте почти 1 000 метров над уровнем моря.

Светлана последний раз приезжала к отцу на дачу в Кунцево 21 декабря 1952 года. Это был его официальный день рождения, ему исполнилось 73 года. «Он плохо выглядел в тот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, так как неожиданно бросил курить и очень гордился этим — курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет».^[10]

Светлана обратила внимание и на то, что у отца изменился цвет лица. Обычно он всегда был бледен. Сейчас лицо стало красным. Светлана правильно предполагает, что это был признак сильно повышенного кровяного давления. Осмотрев Сталина уже никто не проводил, его личный врач был в тюрьме.

Сталин бросил курить из-за симптома «нехватки воздуха для дыхания» и болей в легком. Это были признаки начинавшейся эмфиземы легких или хронического бронхита. Однако резкое прекращение курения у людей, ставших зависимыми от никотина, ведет к физиологическим и психологическим изменениям, продолжающимся несколько месяцев. Нарушения обмена веществ ведут к отложениям жира. Возникает усиление раздражимости, и появляется трудность концентрации внимания. Всегда худощавый, Сталин прибавил в весе именно в начале 1953 года. Увеличение веса, в свою очередь, ведет к повышению кровяного давления.

Процесс разрушения организма можно было замедлить условиями полного покоя и санаторного режима. Однако осенью и зимой 1952 года Сталин, впервые в послевоенный период, отказался от отпуска, несмотря на большую

дополнительную рабочую нагрузку, которая была связана в октябре с организацией и проведением XIX съезда КПСС. Сразу после съезда, сформировавшего новую структуру партийного руководства, Сталин стал ускорять проведение двух обширных репрессивных кампаний, известных в последующем как «дело врачей-сионистов» и «мингрельское дело», завершение которых предполагало и новые изменения в высшем партийном и государственном руководстве. В ноябре и декабре 1952 года наиболее частыми посетителями кремлевского кабинета Сталина были министр госбезопасности С. Д. Игнатьев и его заместители С. А. Гоглидзе, В. С. Рясной и С. И. Огольцов.

В первой половине февраля 1953 года Сталин встречался с несколькими работниками госбезопасности по вопросам реорганизации зарубежной разведки. Среди вызванных к Сталину был генерал Павел Судоплатов, в то время заместитель начальника Первого (разведывательного) управления МГБ. В недавно изданных воспоминаниях Судоплатов пишет: «Я был очень возбужден, когда вошел в кабинет, но стоило мне посмотреть на Сталина, как это ощущение исчезло... Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами были длиннее».^[11]

1-2 МАРТА 1953 ГОДА. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

В последний раз Сталин вел прием в своем кремлевском кабинете вечером 17 февраля 1953 года. С 20 часов до 20 часов 30 минут у него получила аудиенцию делегация из Индии во главе с послом Индии в СССР К. Меноном. В 22 часа 15 минут к нему пришли Булганин, Берия и Маленков, но с очень коротким визитом, продолжавшимся лишь 15 минут. 27 февраля 1953 года Сталин приезжал в Большой театр на балет «Лебединое озеро». 28 февраля, в субботу, Сталин приехал вечером в Кремль, но не для работы, а на просмотр кинофильма. В этот же вечер он пригласил на ужин в Кунцево своих наиболее частых посетителей: Хрущева, Булганина, Маленкова и Берия. Этот ужин начался около полуночи и закончился лишь к 4 часам утра в воскресенье 1 марта. По свидетельству Хрущева, Сталин во время ужина был в хорошем настроении и казался вполне здоровым.

В воскресенье 1 марта Хрущев ожидал нового приглашения от Сталина. Такие приглашения, именно в воскресенье, стали традицией, так как по воскресеньям, когда все отдыхали, Сталин страдал от одиночества. «Когда он просыпался, то сейчас же вызывал нас (четверку) по телефону, или приглашал в кино, или заводил какой-то разговор, который можно было решать в две минуты, а он его растягивал». Хрущев не стал даже есть дома днем: «...Целый день не обедал, думал, может быть, он позовет пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка».^[12]

Сын Хрущева, Сергей, в то время студент, живший с родителями, в своих воспоминаниях об отце подтверждает эту картину: «Отец не сомневался, что Сталин не выдержит одиночества выходного дня, затребует их к себе. Обедать отец не стал, пошел пройтись, наказав: если позвонят оттуда, его немедленно позвать... Звонка отец так и не дождался... Стало смеркаться. Он перекусил и засел за бумаги. Уже совсем вечером позвонил Маленков, сказал, что со Сталиным что-то случилось. Не мешкая, отец уехал».^[13] В Москве в конце февраля начинает смеркаться примерно в 17.30. Маленков звонил Хрущеву около 23 часов.

В воскресенье 1 марта в служебном помещении дачи, примыкавшем к комнатам, где жил Сталин, с 10 часов утра дежурили старший сотрудник для поручений при Сталине, подполковник МГБ Михаил Гаврилович Старостин,

помощник коменданта дачи Петр Лозгачев и подавальщица-кастелянша Матрена Петровна Бутусова, о которой Хрущев пишет как о «преданной служанке Сталина, работавшей на даче много лет». Были здесь и другие сотрудники, повара, садовник, дежурный библиотекарь, все, к кому Сталин мог обратиться с той или иной просьбой.

Собственно охрана дачи, составлявшая особое подразделение МГБ, осуществляла охрану территории, подходы и подъезды к даче. Между двумя высокими глухими деревянными заборами высотой более трех метров вокруг всей территории дежурили патрули с собаками. Всю территорию окружали ров и колючая проволока. Возле ворот для въезда на территорию дачи была «дежурная» — помещение для старших офицеров охраны. Проверка приезжавших была очень тщательной. С Можайского шоссе недалеко от Поклонной горы был поворот к даче Сталина. Дорога здесь была перекрыта шлагбаумом, который дежурные офицеры охраны открывали только для правительственных машин. Вторая проверка была у ворот, третья — при входе на дачу. Здесь дежурил работник охраны в военной форме полковника государственной безопасности. К территории дачи примыкало двухэтажное здание, жилое помещение или казарма для рядовых охранников, рассчитанная примерно на сто солдат и офицеров.

Все комнаты дачи и ее дежурных помещений были связаны внутренней телефонной системой — домофоном. Аппараты домофона имелись во всех комнатах Сталина, даже в ванной и туалете. По домофону Сталин заказывал себе еду или чай, просил принести газеты, почту и т. д. Кроме домофона почти все комнаты, где мог находиться Сталин, имели телефоны правительственной связи и телефоны обычной московской коммутаторной сети.

В СССР более ста человек — члены Политбюро, наиболее важные члены правительства, министры МГБ и МВД, военный министр, начальник Генерального штаба, заведующие основными отделами ЦК КПСС, первые секретари обкомов и партийные лидеры республик, командующие пограничными военными округами, секретари ЦК КПСС и некоторые другие государственные и партийные деятели — были связаны между собой двумя или тремя линиями правительственной связи и могли звонить напрямую Сталину в случае срочной необходимости.

Без особой нужды Сталину, конечно, никто не звонил, и, судя по рассказам дежуривших на даче Старостина и

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.